

КОММЕНТАРИЙ И АВТОКОММЕНТАРИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА (СЛУЧАЙ ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ)

Информация об авторе: Анна Владимировна Топорова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-2669-7734>

E-mail: anna.toporova@gmail.com

Аннотация: В настоящей статье рассматривается традиция комментирования священных и светских текстов в ее эволюции от толкования книг Священного Писания в иудейской культуре через античные интерпретации философских и литературных произведений, а позже школьных образцов, к средневековому схоластическому методу. Выявляется связь техники комментирования с возникновением новых образовательных стратегий, в результате чего вырабатывается строгая схема изучения-комментирования автора, получившая название *accessus ad autorem*. На примере творчества Данте Алигьери анализируется, как происходит переход от комментирования «авторитетных» произведений к своим собственным с целью повышения статуса сочинений на народном (итальянском) языке. Предлагается новая жанровая атрибуция «Новой жизни» как комментария по преимуществу; при этом учитывается двойное значение слова «комментарий» как «воспоминание, мемуары» и как «толкование, интерпретация», характерное для рассматриваемой эпохи. Первая ступень дантовских комментариев — это воспоминания о событиях собственной жизни, пропущенные через фильтр авторского отбора и интерпретации. Вторая ступень — это прозаический комментарий к собственным стихам. Таким образом, «Новая жизнь» предстает как произведение не только об опыте юношеской любви Данте, преобразившей его жизнь и обозначившей ее перспективы, но и о его творчестве, представленном на фоне художественной литературы на вольгаре. Также прослеживается развитие теории комментирования в трактате «Пир», где Данте применяет метод выделения четырех смыслов, использовавшийся для толкования Священного Писания, к светским сочинениям. В завершение указываются основные направления литературной рефлексии и саморефлексии в «Божественной комедии».

Ключевые слова: жанр комментария, Данте Алигьери, «Новая жизнь», «Пир», «Божественная комедия».

© 2024. Anna V. Toporova

COMMENTARY AND SELF-COMMENTARY IN THE MIDDLE AGES (THE CASE OF DANTE ALIGHIERI)

Information about the author: Anna V. Toporova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: anna.toporova@gmail.com

Abstract: The article examines the tradition of commentary on sacred and secular books in its evolution from the interpretation of Holy Scriptures in Jewish culture through classic interpretations of philosophic and literary works (and later model texts for schools) to the medieval scholastic method. It shows the connection between the techniques of commentary and the development of new educational strategies that resulted in a strict system of studying and commenting on authors called *accessus ad autorem*. The example of Dante Alighieri illustrates the transition from commentary on “authoritative texts” to self-commentary in order to raise the credibility of books written in vernacular Italian. The author proposes a new genre attribution of the *Vita Nuova* as mainly a commentary and considers the double meaning of the word “commentary” as both “memoirs” and “interpretation, explanation” that is typical for that age. The first level of Dante’s commentary consists of recollections of his life through the prism of authorial selection and interpretation. The second level is contained in the prose commentary to his own poetic works. The *Vita Nuova*, therefore, concerns not only Dante’s early love, which transformed his life and prospects, but also his work as a part of vernacular literature. The article also investigates the development of Dante’s theory of commentary in his treatise *Convivio*, where he applies the method of the “four meanings” used to comment on the Holy Scriptures to a secular text. The last part of the article discusses the main tendencies of literary reflection and self-reflection in the *Divina Commedia*.

Keywords: commentary as a genre, Dante Alighieri, *Vita Nuova*, *Convivio*, *Divina Commedia*.

Потребность в комментарии возникает, как правило, в двух случаях: когда текст трудно понимать, поскольку в нем говорится о сложных, часто духовных, вещах; и когда изменяется эпоха, и читатель уже не может понять то, что было очевидно прежде [Sandkühler, 1967, S. 13]. Поэтому вполне закономерно, что традиция комментирования, известная уже на Древнем Востоке, особое распространение получила в иудейской культуре в связи с необходимостью толкования книг Священного Писания. Именно здесь комментарий стал самостоятельным жанром.

В античной культуре объектом толкования становятся философские сочинения (прежде всего, Платон) и литературные произведения — Гомер, Гесиод, позже к ним присоединяются трагедии и комедии, Геродот, Пиндар, Вергилий, Демосфен, Цицерон. Постепенно комментарий превращается в школьный жанр, создаются центры комментирования текстов самого разного характера (Афины, Александрия в первую очередь). Техника комментирования становится предметом обсуждения и дискуссий. Вырабатываются различные формы комментариев: маргинальные или межстрочные глоссы, введение к тексту или самостоятельное сочинение.

В Средние века внимание комментаторов фокусируется на священных текстах (ср. многочисленные комментарии к Священному Писанию — Августина, Боэция, Иеронима, Кассиодора, Григория Великого и др.), а также на сочинениях тех авторов, которых изучают в школах —

Боэция, Пруденция, Доната, Присциана и др. Чаще всего комментарии носят компилятивный характер: объясняются непонятные места, обозначается аллегорическая перспектива, раскрывается мифологический и исторический фон, приводится этимология. В Шартре, Орлеане, Сен-Галлене, Рейхенау, Оксере и ряде других городов создаются свои комментаторские школы. Техника комментирования проникает в разные сферы. Так, в раннее средневековье проповеди приобретают форму построчного комментария к анализируемому отрывку из Священного Писания, своего рода глоссы. Это предполагает медленное внимательное чтение всего текста подряд, с частым возвращением назад и обдумыванием прочитанного, постижением скрытых в нем смыслов.

Новый этап в развитии комментирования связан с утверждением схоластического метода. В XII–XIII вв. происходит ряд важных изменений в культурной жизни европейских городов, главное из которых — преобразование школ в университеты и появление интеллектуальной прослойки горожан, заинтересованных в знаниях. Вновь становится актуальным высказывание Августина о необходимости изучения наук для лучшего понимания Священного Писания. В связи с потребностью освоения знаний, накопленных предыдущими поколениями, возникают новые методы их обобщения и организации. В университетах разрабатываются приемы работы с текстом — чтение (*lectio*), вопрошание (*quaestio*), подведение итогов (*summa*). Если раньше комментированное чтение было прерогативой монастырей, то теперь им занимаются в школах и университетах¹. Внимательное чтение всего текста подряд заменяется на членение текста на отрывки и параграфы ради облегчения его понимания. Меняется и его характер: размышление над текстом одного человека, пытающегося обрести в нем мудрость, уступает место совместному выборочному чтению и толкованию текста по определенным правилам (обычно с использованием уже существующих комментариев, глосс) с целью обретения знаний [Hamesse, 2001, pp. 131–152].

Постепенно вырабатывается строгая схема изучения-комментирования автора, получившая название *accessus ad autorem*. Определенные приемы анализа текста существовали, разумеется, и ранее; они менялись со временем. Переход к схоластическому мышлению повлек за собой отказ от позднеантичных методов комментирования и переход к созданию нового аппарата. На смену эклектическому соединению

¹ О разных типах экзегезы (монастырской, школьной, университетской) см.: [Dahan, 1999].

разных вариантов прочтения текста приходит аналитическая система, делающая комментарий своего рода учебным пособием по теории литературы, в котором присутствует типология литературных категорий, терминов, жанров, стилей, этимологий [Villa, 1997, p. 23]. Теперь *accessus ad autorem* предполагает наличие краткого введения, в котором выделяются следующие аспекты: название (*titulus*); содержание (*materia*); намерение автора (*intentio scribentis*); характерные особенности, форма (*modus*); польза (*utilitas*); указание на раздел философии, к которому его можно отнести (*cui parte philosophiae supponitur*)²; обязательным становится деление текста для лучшего понимания и запоминания, прием, описанный в «Риторике к Гереннию» и воспроизведенный в многочисленных средневековых *Artes dictaminis*³, усвоивших к тому же и уроки схоластики.

Схоластический комментарий, родившийся из диспутов, усвоил некоторые их черты, а именно, вопросно-ответную структуру, позволявшую рассмотреть проблему с разных сторон⁴, деление текста на части, парафразу текста. По форме комментарии могли быть как межстрочными глоссами, так и маргинальными объяснениями. Деление текста (*divisio*) означало логическое выделение нескольких сегментов фразы, каждый из которых раскрывался через дополнительные объяснения, определения. Его цель заключалась в облегчении понимания фразы, в выявлении ее скрытого смысла⁵.

² Эта структура отсылает к аристотелевским причинам: материальной, формальной, производящей и конечной («Метафизика», кн. 5, гл. 2).

³ Ср. у Боно Джамбони: «Пишущий <...> должен раскрыть тему, на которую он собирается говорить. Для этого пусть он прибегает к делениям, т.е. показывает, о скольких вещах он должен говорить, и показывает порядок, которого он будет придерживаться» («Il dicitore <...> debbia aprire la materia sopra la quale intende di dire. Appresso faccia sue divisioni, cioè mostri sopra quante cose dee dire, e apra l'ordine che dee tenere» [Giamboni, 1994, pp. 57–58]).

⁴ Апогей этого метода мы наблюдаем в «Сумме теологии» Фомы Аквинского: анализируемая проблема выносится в заглавие, на нее дается два противоположных ответа, затем предлагается ее решение с доказательством и ответом на противоположные аргументы. Фундаментальные понятия распадаются на конкретные вопросы. В результате «Сумма теологии» включает в себя 38 трактатов, 612 вопросов, 3210 глав и около десяти тысяч аргументов.

⁵ Критерии деления могли быть разными. Иногда они произвольны и зависят от воли автора, иногда подчиняются строгим предписаниям, как, например, для проповедей правила *divisio* зафиксированы в *Artes praedicandi*, особенно, если речь идет об ученой латинской проповеди, где они достаточно сложны и разнообразны. Обобщая, их можно свести к делению «внешнему» (*extra*) и «внутреннему» (*intra*). Первое исходит из более или менее оче-

Широкое распространение жанра комментария в XIII в. связано с увеличением количества переводов на народные языки. В новой культурной среде многое из античных текстов было непонятно и требовало объяснения. В эту эпоху появляется целый ряд комментированных переводов. Так, в Италии Джованни ди Бенинато пишет комментарий к Боэцию, переведенному на вольгаре Альберто делла Пьянджентина; Брунетто Латини комментирует перевод (не исключено, что собственный) «О нахождении» Цицерона; Андреа Ланча переводит и комментирует Овидия («Ars amatoria» и «Remedia amoris»), переводит Валерия Максима («Facta et dicta») и перерабатывает существующий комментарий к нему (кстати, он составил и комментарий к «Божественной комедии»).

Стимулом для развития жанра комментария становится в это время распространение школ и создание университетов, что резко повысило потребность в интерпретации текстов. В первую очередь переводились те тексты, которые изучались в школах, поэтому в комментариях учитывался новый контекст и новая аудитория. Бывало, что комментарии превышали перевод и настолько перемешивались с ним, что было трудно понять, где кончается один текст и начинается другой. Порой комментированный перевод превращался в почти что самостоятельный текст (ср. «Морализованного Овидия»). Комментарии были настолько востребованы, что известны случаи переводов удачных комментариев с одного языка на другие. Так, французские комментарии Никола Треше на «Утешение философией» Боэция были переведены на итальянский и испанский (переводчики, разумеется, добавили и собственные соображения). Следует отметить, что меняется и статус комментатора, который не просто излагает содержание и объясняет смысл того или иного отрывка, но и создает новый смысл, раздвигает границы текста; как говорит Мария Французская «прилагает излишек смысла» (*K'i peussent gloser la lettre / E de lur sen le surplus mettre*) [*Les commentaries...*, 1990, p. 14].

Примечательно, что широкое распространение комментариев оказало влияние на процесс оформления рукописей. Текст в средневеко-

видного логического деления фразы. Оно опирается на мысль, не заключенную в тексте, находящуюся «вне» его. Второе требует поиска «ключа» в самой цитате, выявления имплицитного и неочевидного критерия дополнительного деления. Нередко проповедники прибегают в этом случае к изощренной игре грамматическими формами. Один и тот же текст может быть разделен по-разному. Эту технику подробно описывает Роберт Бейсворн в своей «Форме проповеди» (*Forma praedicandi*). См. [Топорова, 2011, с. 15–23].

вых рукописях располагался так, чтобы можно было вписать комментарии, маргиналии или межстрочные глоссы: две колонки отводилось под текст, три оставлялось для комментария; расстояние между строками также было достаточно большим. Страница рукописи рассматривалась как «физическое пространство дискуссии» [Beaudin, 2010, pp. 3–4].

Совершенно особый и достаточно редкий вид комментариев представляет собой комментарий к собственному тексту. И здесь исключительное место занимает Данте Алигьери. Можно сказать, что он стал создателем и самым ярким представителем этого жанра, сформировавшегося уже в его раннем творчестве⁶.

Почти все исследователи, обращавшиеся к анализу «Новой жизни» (1293) отмечали ту важную роль, которую играет в ней комментарий, техника истолкования, интерпретации, см. напр.: [Curtius, 1973, pp. 21–25]. В самом деле, уже первые слова «Новой жизни» содержат указание на поэтику этого сочинения: «В этом разделе книги моей памяти, до которого лишь немного заслуживает быть прочитанным, находится рубрика, гласящая: “Incipit vita nova”. Под этой рубрикой я нахожу слова, которые я намерен воспроизвести в этой малой книге, и если не все, то по крайней мере их сущность» [Данте Алигьери, 1968, с. 7]. Данте обозначает свою задачу — передать смысл, сущность того, что содержится в книге памяти, т.е. речь идет не просто о ее воспроизведении, а об истолковании, комментировании. Сам Данте выступает как *translator* в средневековом смысле этого слова, «передатчик» скрытого и не всегда понятного для посторонних смысла «книги памяти». Это вполне осознанная позиция, которой Данте будет придерживаться на всем протяжении «Новой жизни».

Во II главе Данте вновь говорит о принципе отбора материала: «И так как рассказ о чувствах и поступках столь юных лет может некоторым показаться баснословным, я удаляюсь от этого предмета, оставив в стороне многое, что можно было извлечь из книги, откуда я заимствовал то, о чем повествую, и обращусь к словам, записанным в моей памяти под более важными главами» [Там же, с. 8]. А в XXVIII главе, объясняя свой отказ подробно описывать смерть Беатриче, Данте ссылается на начальные слова своего произведения, подтверждая свое право говорить не обо всем, а лишь о том, что сочтет нужным: «Не отрицая того, что следовало бы в настоящее время рассказать хотя

⁶ Следующий далее анализ «Новой жизни» опирается на мою статью: «К вопросу о жанре «Новой жизни» Данте» [Топорова, 2015, с. 64–74].

бы немного о том, как она покинула нас, я не собираюсь говорить об этом здесь по трем причинам: во-первых, потому, что это не входит в мои намерения, что станет ясным, если мы обратимся ко вступлению к этой малой книге; во-вторых, даже бы если я и решился сказать о происшедшем, язык мой не был бы в состоянии повествовать так, как надлежит; в-третьих, если бы даже отпали первые две причины, мне не приличествует говорить об этом, так как я стал бы превозносить самого себя, что особенно заслуживает порицания; поэтому я предоставляю эту тему другому комментатору» [Там же, с. 39–40]. В последних словах приведенной цитаты содержится уже эксплицитное упоминание о той роли, которую приписывает себе Данте — комментатор. Соответственно, жанр «Новой жизни» целесообразно обозначить как комментарий.

Латинское обозначение этого жанра — *commentarius* — связано с двумя корнями, имеющими значение 'думать, обдумывать, выдумывать' и 'помнить, вспоминать' (лат. *commentari, comminisci, cum+memini*). Таким образом, слово «комментарий» также имеет два значения: 1. воспоминание (мемуары, говоря современным языком) о событиях, в которых автор принимал участие (ср. «О галльской войне» и «О гражданской войне» Юлия Цезаря; а также *Commentarii pontificum*, содержащие записи-воспоминания об официальных действиях понтификов и копии документов, или *Commentarii magistratuum*, пришедшие в Рим с древнего Востока записи актов, относящихся к государственной деятельности царей, придворных чиновников и т.п.; сюда же относятся и некоторые средневековые хроники); 2. толкование, объяснение текста (например, комментарии Августина к Псалмам)⁷.

В «Новой жизни» мы имеем дело с обоими значениями этого термина. Первая ступень — это воспоминания о событиях собственной жизни, пропущенные через фильтр авторского отбора и интерпретации. Как уже говорилось, Данте не просто копирует «книгу памяти», а выбирает из нее то, что отвечает поставленной задаче — показать суть «новой жизни» (жизнь, преображенная любовью), причины ее возникновения (встреча с Беатриче, ее спасительное приветствие), ее развитие (краткая история «земных» отношений с Беатриче, приобретающая после ее смерти «небесную» перспективу) и ее конечную цель (ср. заключительные слова: «Так, если соблаговолит Тот, кем все живо, чтобы жизнь моя продлилась еще несколько лет, я на-

⁷ Такое объяснение предлагает Энциклопедия Треккани.

деюсь сказать о ней [Беатриче — А.Т.] то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине. И пусть душа моя по воле владыки куртуазии вознесется и увидит сияние моей дамы, присноблаженной Беатриче, созерцающей в славе своей лик того, “*qui est per omnia saecula benedictus*”). Отобранный материал Данте интерпретирует для более глубокого понимания; к этому пласту комментариев относятся рассуждения о времени встреч, в основе которого лежит троичная символика, о цветах одежды Беатриче (кроваво-красный и ослепительно белый), о видениях Амора. Что касается «явлений» Амора, то они сочетают в себе изложение материала из «книги памяти» и экзегетические попытки. Созерцание Амора, держащего в руках Беатриче и кормящего ее сердцем Данте, относится к первичному слою текста, а «размышления о виденном» — ко вторичному: «Тогда я начал размышлять о виденном и установил, что час, когда это видение мне предстало, был четвертым часом ночи: отсюда ясно, что он был первым из последних девяти ночных часов» [Там же, с. 9]. Порой комментатор оказывается не в состоянии дать объяснение отдельным сценам из «книги памяти». Так, слова Амора — «Я подобен центру круга, по отношению к которому равно отстоят все точки окружности, ты же нет» — вызывают недоумение Данте-персонажа, которое не разрешает и Данте-комментатор.

Вторая ступень — это прозаический комментарий к собственным стихам. Важно, что и стихи Данте тщательно отбирает; он неоднократно указывает на то, что далеко не все из написанного им, он помещает в свое произведение: «...я написал для нее несколько малых стихотворений, из которых достойны быть упомянутыми здесь лишь те, которые относятся к Беатриче; поэтому я оставляю их в стороне, за исключением того небольшого, что может послужить для прославления благороднейшей»; или: «И я избрал имена шестидесяти самых красивых дам того города, где моя дама родилась по воле всевышнего, я сочинил послание в форме сирвентезы, которое я здесь приводить не буду. И я совсем бы не упомянул о нем, если бы в этом послании имя моей дамы не соблагОВОЛИЛО чудесно прозвучать среди других имен на девятом месте» [Там же, с. 10].

Структурно глава «Новой жизни» выглядит следующим образом: описание обстоятельств, подвигнувших Данте к написанию стихотворения, само стихотворение, комментарий к нему. В той части «Новой жизни», где описываются события после смерти Беатриче, порядок следования меняется — сначала идет комментарий, затем стихотворение. По словам Данте, цель такого изменения — уподо-

бить канцону «неутешной вдовице» [Там же, с. 41], передать всеобъемлющее чувство вдовства. К этому же этапу относится и перемена стиля — от анализа собственных душевных переживаний к хвале, воздаваемой Беатриче: «Мне надлежит овладеть новым повествованием, более благородным, чем предыдущее» [Там же, с. 22]. Как правило, комментарий краток, он содержит деление (*divisio*) стихотворения с указанием, о чем говорится в каждой части. Иногда присутствуют дополнительные объяснения, касающиеся более общих вопросов литературы и языка. Может создаться впечатление, что дантовские комментарии к собственным стихам опираются на традицию провансальских *gazos*, которые объясняли смысл поэтического сочинения, сообщали сведения о лицах, упоминаемых в нем, иногда описывали процесс создания стихотворения. На первый взгляд, то же имеет место и в «Новой жизни».

Впрочем, сразу же обращают на себя внимание деления, сопровождающие, за небольшим исключением, каждое стихотворение «Новой жизни». Обычно они немногословны, формальны и, казалось бы, не содержат особой информации, ср.: «Сонет разделен на три части: в первой я сообщаю, когда я узрел на своем пути Амора и в каком облике он мне явился; во второй передано то, что он мне сказал, хоть и не полностью, из страха открыть мою тайну; в третьей я говорю, как он исчез от взоров моих. Вторая часть начинается: “По имени”; третья: “И столь”» [Там же, с. 14]. Не вполне понятна и их функция — хотя Данте неоднократно упоминает о том, что деления нужны для прояснения смысла стихотворения, в том виде, в котором они даны, они не особенно облегчают процесс понимания. Они существуют параллельно поэтическому тексту как нечто, казалось бы, необязательное⁸. Именно так их долгое время и воспринимали. Скажем, Боккаччо, переписывавший «Новую жизнь», выносил на поля заметки о делении стихов, по-видимому, считая их излишними. Боккаччо объяснял, что деления это глоссы, а глоссы должны находиться на полях текста, а также ссылался на то, что Данте, по воспоминаниям знавших его людей, жалел, что включил деления в текст; таким образом, Боккаччо «исправил» Данте, как бы исполнив его волю. Тенденция опускать деления в изданиях «Новой жизни» продержалась вплоть до XX в.: первое полное издание появилось только в 1907 г. [Barbi, 1907]

⁸ Например, Дж. Фолен отмечает, что такого рода объяснения скорее сопровождают текст, чем его комментируют [Folena, 1997, p. 85].

Вопрос о функции делений по-прежнему занимает исследователей «Новой жизни». Одни говорят о целостности произведения, включающего в себя лирику, повествование и деления, в соответствии с богословски выстроенной парадигмой книги памяти [Singleton, 1949]; другие рассматривают деления как часть поэтического смысла «Новой жизни», понимаемого как изображение собственного пути к еще неведомой цели [D'Andrea, 1980, pp. 13–40]; третьи считают, что деления раскрывают те идеи, которые стоят за стихами; если стихи представляют метафорический смысл, то деления — неметафорический, буквальный [Roush, 2002, pp. 25–51]⁹. Все эти объяснения указывают на важные особенности «Новой жизни», но, на наш взгляд, не полностью отвечают на поставленный вопрос о роли делений в тексте.

Гораздо более убедительным представляется точка зрения тех исследователей, которые пишут о делениях как об одном из методов осуществления общей стратегии Данте по созданию своего образа как *auctor* [Hanna, Hunt, Keightley, Minnis, Palmer, 2005, pp. 363–421; Baransky, 1997, pp. 3–23; Baransky, 1997a, pp. 561–582; Ascoli, 2006, pp. 46–66; Ascoli, 2008] на народном языке. *Auctor* было в Средние века техническим термином, этимологически связанным с понятием авторитета — *auctoritas*. По мнению некоторых ученых, слово *auctor* относилось к тексту, а не к человеку, сам же автор обозначался как *artifex* ‘ремесленник’ [Beaudin, 2010]. Похоже, что для Данте такая интерпретация не подходит, поскольку для него характерно острое осознание своей индивидуальности, непохожести на других авторов. Думается, что определение «новый», стоящее в заглавии его сочинения можно отнести не только к новому содержанию или новому стилю, как это делалось до сих пор, но и к новому представлению себя в качестве «современного» автора. Вспомним, что приблизительно в это же время возникает понятие «современной проповеди» (*sermo modernus*), ориентированной на использование достижений схоластики, в первую очередь, логического анализа и деления на пункты и подпункты.

«Новую жизнь» Данте строит по образцу текста с академическим комментарием к нему. Как правило, такой подход применялся к значимым произведениям, воспринимаемым как авторитетные источники (как правило, это были библейские или классические тексты). Таким

⁹ Автор видит сходство с евангельской моделью, когда Христос внешним говорил притчами, а ученикам объяснял суть этих притч.

образом, Данте вписывается в широко распространенную традицию комментирования текстов, которую он трансформирует, превращая схоластический комментарий в элемент поэтики. Этот процесс наметился в комментариях к античным текстам ранее, но Данте возвел его на новый уровень, комментарий стал у него частью художественного текста¹⁰. Подлинно новым является и то, что в качестве объекта комментирования он избирает свои собственные сочинения.

Надо сказать, что для Данте характерна постоянная литературная рефлексия и авторефлексия в том числе. «Новая жизнь» — это произведение не только об опыте юношеской любви Данте, преобразившей его жизнь и обозначившей ее перспективы, но и о его творчестве, представленном на фоне художественной литературы на вольгаре. Неоднократно отмечалось, что стихи «Новой жизни» расположены по циклам, несущим на себе влияние ряда поэтов — провансальских, сицилийско-тосканских, а также Чино да Пистойя, Кавальканти, Гвиницелли, — способствовавших выработке собственного поэтического стиля. Свою манеру письма Данте осознает как самостоятельную, новую, способную к эволюции; он подвергает ее анализу на страницах своей «книжицы»: «Тогда я сказал: «О, дамы, целью моей любви раньше было приветствие моей госпожи, которая, конечно, вам известна. В приветствии этом заключались все мои желания. Но так как ей угодно было отказать мне в нем, то по милости моего владыки Амора, мое блаженство я сосредоточил в том, что не может быть от меня отнято. <...> “В словах, восхваляющих мою госпожу”. Тогда обратилась ко мне та, что говорила со мной: “Если сказанное тобой — правда, те стихи, которые ты посвящал ей, изъясняя твое душевное состояние, были бы сложены иначе и выражали бы иное”. Тогда, размышляя об этих словах, я удалился от них почти пристыженный, и шел, говоря самому себе: “Если столь велико блаженство в словах, хвалящих мою госпожу, почему иною была моя речь?” Тогда я решил избирать предметом моих речей лишь то, что могло послужить для восхваления благороднейшей дамы» [Данте Алигьери, 1968, с. 22-23]. Из приведенных слов очевидно, что жизнь и литература для Данте взаимопроницаемы, обстоятельства жизни формируют стиль, а литературное слово дарует блаженство, т.е. становится жизнью. Столь высокий статус слова отсылает нас к библейскому прототипу — к Слову, творящему мироздание.

Размышляет Данте не только над собственным стилем, но и над литературой в целом. XXV глава «Новой жизни» представля-

¹⁰ См. [Keleman, 2011, p. 49].

ет собой литературоведческий пассаж, излишний для фабулы, но чрезвычайно важный «идеологически». В нем Данте рассуждает о рифмованных стихах на народном языке, об их сходстве и отличии от латинских стихов, а также о приеме персонификации, приближающейся к аллегории. Эти рассуждения фундаментальны для обозначения места собственного творчества в существующем литературном контексте. Так же следует воспринимать и постоянные объяснения собственных действий, например, выбор народного языка: «Еще исходя слезами в опустошенном городе, я написал к земным владыкам о его состоянии, взяв следующее начало у Иереми: “Quomodo sedet sola civitas”. И я говорю это, чтобы не удивлялись, почему я привожу эту цитату в начале, как введение в новое содержание. И если кто-либо счел нужным укорять меня за то, что я не записываю здесь те слова, которые последовали за приведенными, в оправдание свое скажу, что с самого начала я решил писать только на языке народном, слова же письма, которое я привел, все латинские, и, воспроизводя их, я нарушил бы то, что предполагал сделать. Таково было и мнение первого моего друга, для которого я пишу, то есть, чтобы я писал для него лишь на языке народном» [Там же, с. 41]. Косвенное упоминание Гвидо Кавальканти («первого друга») важно, прежде всего, как обозначение той литературной среды, на которую Данте ориентируется, частью которой он себя ощущает и которую он в значительной степени сам формирует. В другом месте (глава XI) Данте пускается в подробное объяснение смысла слова «пилигрим», рассматривает его узкое и широкое значения, указывает, в каком значении он сам употребляет это слово в своем сонете.

Такая позиция по отношению к собственному творчеству уникальна. В средневековой итальянской литературе существуют отдельные примеры автокомментария, появившиеся, впрочем, уже после «Новой жизни» и, возможно, не без ее влияния: таков комментарий Никколо деи Росси к своей канцоне «Color di perla»; псевдо-юридический комментарий на латыни к собственным, написанным на вольгаре, «Documenti d'Amore» Франческо да Барберини (кстати, и здесь присутствуют элементы литературной теории; кроме того, впервые встречается упоминание о «Божественной комедии»); или комментарий Грациоло де Бамбальоли к своему трактату «Trattato delle volgari sentenze sopra le virtù morali» (ему принадлежит также латинский ком-

ментарий к дантовскому «Аду»¹¹. Но они не идут ни в какое сравнение с дантовским автокомментарием в «Новой жизни» — ни по охвату материала, ни по глубине анализа, ни по масштабности перспективы, включающей в себя весь литературный контекст эпохи. Автокомментарий определяет структуру «Новой жизни», проясняет ее смыслы, формирует ее жанр.

В дальнейшем Данте также будет прибегать к самокомментированию, хотя и в ином виде. Незаконченный трактат «Пир» знаменует новый этап в развитии литературной экзегезы применительно к собственному творчеству. Сравнивая «Новую жизнь» и «Пир», Данте говорит о большей «зрелости» последнего (I, I, 16). С самого начала он обозначает структуру своего произведения — аллегорические канцоны философского содержания (уподобляемые угощению во время пира) и герменевтический комментарий к ним (уподобляемый хлебу), значимость которого он особо подчеркивает: «Угощение же на этом пиру будет распределено на четырнадцать канцон, посвященных как любви, так и добродетели, которые, без предлагаемого ныне хлеба, остались бы темны и непонятны, и многим их красота могла бы понравиться больше, чем содержащееся в них добро. Однако хлеб этот, то есть истолкование, будет тем светом, который обнаружит каждый оттенок их смысла» [Данте Алигьери, 1968, с. 113]. Если в «Новой жизни» стихи занимали главенствующее положение в структуре книги, а комментарии играли второстепенную роль, то в «Пире» стихи, если и не отступают на второй план, то занимают равноценную позицию с комментарием — хоть он и называется «слугой» (I, V) — и немислимы без него.

Этим объясняется то место, которое Данте отводит в «Пире» теории комментирования. Он объясняет причины, по которым комментарий необходим (объяснение трудных для понимания мест; прояснение оттенков смысла); отводит от себя возможное обвинение в том, что он говорит сам о себе, оправдываясь примерами Боэция и Августина (говорить о себе, согласно Данте, допустимо во избежание позора и опасности, а также ради наставления других — I, II, 13–14); подробнейшим образом объясняет причины выбора народного языка для комментария (статус вольгаре не уступающего латыни, а даже ее превосходящего ввиду его общедоступности). А в качестве комментария к канцоне «Вы, движущие третьи небе-

¹¹ В английской литературе известен латинский автокомментарий Джона Гауера (1330–1408) к его же «Исповеди влюбленного», написанной на среднеанглийском.

са» («Voi ch'intendendo») предлагает целую теорию интерпретации, использующую основные принципы средневековой экзегезы, традиционно направленной на выявление разных смысловых уровней Священного Писания.

Систематизированное учение о четырех смыслах Священного Писания было сформулировано Иоанном Кассианом Римлянином, обобщившим предшествующий опыт экзегезы¹², в первую очередь Оригена и Филона Александрийского. Филон, в частности, говорил о том, что истина скрывается в Писании под иносказанием, аллегорией, и цель толкователя заключается в раскрытии этого тайного, «духовного» смысла. Средневековые экзегеты понимали свою задачу сходным образом: от буквального, или исторического, смысла они восходили к духовному, который предполагал три возможности интерпретации: аллегорическую (или прообразовательную), тропологическую (или нравственную) и анагогическую (или мистическую, эсхатологическую)¹³. Знание того, что за прямым, лежащим на поверхности смыслом, воспринимаемым при первом чтении, скрывается более глубокий смысл, который-то и является истинным, исходящим не от непосредственного автора текста, а от Святого Духа, побуждало к поискам. Например, Максим Исповедник так пишет об этом: «Телом всего Священного Писания, Ветхого и Нового Заветов, служит историческая буквальность его, душой же — смысл написанного... Как человек смертен по своей видимой части, а по невидимой бессмертен, так и Священное Писание, с одной стороны, обладает преходящей явленностью буквы, а с другой — содержит сокрытый в ней дух, бытие которого непреходяще и который составляет истинный предмет созерцания» [Максим Исповедник].

Данте решается применить этот метод толкования к своим собственным сочинениям — шаг, безусловно, новаторский и смелый. Намереваясь «показать истинный смысл <...> канцон, который иной может и не заметить, <...> поскольку он скрыт под фигурой иносказания» (I, II, 17), Данте предлагает в «Пире» понимать написанное им в четырех смыслах: «...писания могут быть понятны и должны с величайшим напряжением толковаться в четырех смыслах. Первый называется буквальным [и это тот смысл, который не простирается дальше

¹² Иоанн Кассиан Римлянин, «Собеседования», XIV, 8.

¹³ Этот процесс детально описан в фундаментальном труде: [De Lubac, 1959–1964]. См. также: [Gilbert, 1956; Old, 1988].

буквального значения вымышленных слов — таковы басни поэтов. Второй называется аллегорическим]; он таится под покровом этих басен и является истиной, скрытой под прекрасной ложью <...> Третий смысл называется моральным, и это тот смысл, который должны внимательно отыскивать в писаниях на пользу себе и своим ученикам <...> Четвертый смысл называется анагогическим, то есть сверхсмыслом или духовным объяснением писания; он остается [истинным] так же и в буквальном смысле и через вещи означенные выражает вещи наивысшие, причастные вечной славе...» [Данте Алигьери, 1968, с. 135–136]

Еще более выпукло эта идея представлена в дантовском (или приписываемом Данте) письме к Кан Гранде делла Скала о «Комедии»: «...необходимо знать, что смысл этого произведения не прост; более того, оно может быть названо многосмысленным, то есть имеющим несколько смыслов, ибо одно дело — смысл, который несет буква, другое — смысл, который несут вещи, обозначенные буквой. Первый называется буквальным, второй — аллегорическим или моральным <...> И потому надлежит рассмотреть отдельно буквальное значение данного произведения, а потом — также отдельно — его значение аллегорическое» [Данте Алигьери, 1968, с. 387]¹⁴ (буквальный сюжет для Данте — это состояние душ после смерти, аллегорический — человек, получающий по своим поступкам награду или наказание). В том же письме Данте предлагает рассматривать «Комедию» по шести критериям *accessus ad autorem*, т.е. развивает подход, наметившийся уже в «Новой жизни».

Более того, можно сказать, что комментарий Данте к собственным сочинениям (в первую очередь, канционам) не просто делается по образцу латинского комментария к автору, но является для читателя своего рода примером того, как надо составлять комментарии. Уже в «Новой жизни» Данте выразил свое мнение о важности комментариев, осудив авторов, не владеющих техникой интерпретации («...ибо весьма стыдно было бы тому, который облачая свои высказывания в одежды и украшая их цветами риторики, не мог бы, если бы его потом спросили, оголить свои слова так, чтобы они приобрели истинное значение» [Там же, с. 37]). В дальнейшем Данте расширяет круг возможных комментаторов; уже не только сам автор должен уметь объяснить читателям смысл своего произведения, но и читатель должен научиться понимать глубинную мысль автора. Это как бы призыв к читателю самому заняться комментировани-

¹⁴ См. об этом: [Pépin, 1999, pp. 51–68].

ем. В «Пире» такая перспектива лишь намечается, выстраивается ее теоретический фундамент: разрабатывается понятие аллегии, за которой скрывается подлинное значение; традиционное учение о четырех смыслах Священного Писания применяется к анализу светских текстов; народный язык утверждается в качестве общедоступного средства выражения. Таким образом, Данте «обнажает», эксплицирует технику комментирования, делая ее всеобщим достоянием.

В «Божественной комедии» мы имеем дело с совсем иной формой комментариев. Речь идет, собственно, не о комментариях как жанре, а о постоянной литературной рефлексии/авторефлексии и о вовлечении в нее читателя. Литературная авторефлексия характерна для Данте на всем протяжении его творчества; на разных этапах она принимала разные формы: это литературная переписка с другими поэтами, при чем самых разных направлений (Гвидо Кавальканти, Чино да Пистойя, Данте да Майано, Джованни дель Вирджилио, Форезе Донати, Чекко Анджольери); сознательная проба пера в разных стилях (ср. комические стихи или «каменный» цикл); отбор собственных стихов для «Новой жизни»; комментарии к своим стихам в «Новой жизни» и «Пире»; их классификация в трактате «О народном красноречии»; размышления о проблеме выбора языка, об аллегорическом смысле стихов и возможностях их интерпретации. В «Комедии» характер этой литературной рефлексии меняется, за исключением отдельных мест, относительно которых можно говорить о комментарии как таковом. Это, например, указания на содержание песни («О новой муке повествую ныне / В двадцатой песни первой из канцон, / Которая о гибнущих в пучине»¹⁵ — «Ад», XX, 1–3) или на ее форму / объем («Не будь, читатель у меня преград / Писать еще, я бы воспел хоть мало / Питье, чью сладость вечно пить бы рад; / Но так как счет положен изначала / Страницам этой кантики второй / Узда искусства здесь меня сдержала» — «Чистилище», XXXIII, 136–141), или констатация невозможности передать словами увиденное («Но может быть — здесь мысль походит мало / На то, что выразил словесный звук» — «Рай», IV, 55–56; «И потому в изображеньи Рая / Святая повесть скачет иногда, / Как бы разрывы на пути встречая» — «Рай» XXIII, 61–62). Присутствуют в «Комедии» и «литературоведческие» пассажи; из наиболее известных — наименование и краткая характеристика поэзии нового сладостного стиля («Чистилище», XXIV,

¹⁵ Здесь и далее «Божественная комедия» цит. по: [Данте Алигьери, 1950].

52–57) и определение аллегии («Чистилище», X, 94–96; «Рай», IV, 43–45).

Но чаще всего Данте не эксплицирует и не объясняет свои литературные установки, а как бы предлагает сделать это читателю, «провоцирует» его принять участие в размышлениях о том, как устроена поэма. Он намеренно не соответствует читательскому «горизонту ожидания», трансформирует его, ставит вопросы и не дает на них ответа, побуждая к дискуссии. Таких «вызовов» в «Комедии» немало: выбор языка (латынь или итальянский), выбор стиля (трагический или комический), определение жанра, соотношение языческого и христианского наследия, формы и содержания, отношения автора и читателя и множество более мелких проблем¹⁶. Вполне закономерно, что «Божественную комедию» сразу же стали комментировать (известно около шестидесяти комментариев), и эта традиция не прервалась и до настоящего времени¹⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Данте Алигьери, 1950 — *Данте Алигьери. Божественная комедия* / пер. М. Лозинского. М.; Л.: Худож. лит., 1950. 579 с.

Данте Алигьери, 1968 — *Данте Алигьери. Малые произведения* / изд. подгот. И.Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1968. 651 с.

Максим Исповедник — *Максим Исповедник. Мистагогия 6*. URL: http://www.hesychasm.ru/library/max/maximus_myst.htm#m6 (дата обращения: 12.04.2022).

Топорова, 2011 — *Топорова А.В. Проповедь и проповедники в Италии: от Средних веков к Возрождению*. М.: Тезаурус, 2011. 380 с.

Топорова, 2015 — *Топорова А.В. К вопросу о жанре «Новой жизни» Данте* // Литературоведческий журнал. 2015. № 37. С. 64–74.

D'Andrea, 1980 — *Andrea de A. La struttura della Vita Nuova: le divisioni delle rime* // Yearbook of Italian Studies. 1980. Vol. 4. Pp. 51–68.

Ascoli, 2008 — *Ascoli A.R. Dante and the Making of a Modern Author*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 458 p.

Ascoli, 2006 — *Ascoli A.R. From Auctor to Author: Dante before the Commedia* // Cambridge Companion to Dante / ed. Rachel Jacoff. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2006. Pp. 46–48.

Baransky, 1997 — *Baransky Z.G. Dante Alighieri: experimentation and (self)exegesis — The Cambridge History of Literary Criticism // Dante: contemporary perspectives* / ed. by A.A. Iannucci. Toronto: University of Toronto Press, 1997. Pp. 3–23.

¹⁶ См. об этом: [Parker, 1993, pp. 25–52].

¹⁷ Ср. [Manca, 1999].

**А.В. ТОПОРОВА. КОММЕНТАРИЙ И АВТОКОММЕНТАРИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА
(СЛУЧАЙ ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ)**

Baransky, 1997a — *Baransky Z.G. Dante and Medieval Poetics // Dante: contemporary perspectives / ed. by A.A. Iannucci. Toronto: University of Toronto Press, 1997. Pp. 561–582.*

Barbi, 1907 — *Barbi M. La Vita Nuova di Dante. Firenze: Società Dantesca Italiana, 1907. 408 p.*

Beaudin, 2010 — *Beaudin A.L. Medieval Markup: The Rhetoric of Commentary. 2010. URL: https://www.academia.edu/6526076/Medieval_Markup_The_Rhetoric_of_Commentary (дата обращения: 12.04.2022).*

Giamboni, 1994 — *Bono Giamboni. Fiori di rettorica. A cura di G.B. Speroni. Pavia: Tipografia Commerciale Pavese, 1994. 207 p.*

Curtius, 1973 — *Curtius E.R. Dante's Self-Exegesis // European Literature and Latin Middle Ages. Princeton, N.Y.: Princeton Univ. Press, 1973. Pp 221–225.*

Dahan, 1999 — *Dahan G. L'exégèse chrétienne de la Bible en Occident médiéval: 12– 14 siècles. Paris: Les éditions du Cerf, 1999. 488 p.*

De Lubac, 1959–1964 — *De Lubac H. Exégèse médiévale. Les quatre sens de l'Écriture: 2 vol. in 4. Paris: Aubier Montaigne, 1959–1964.*

Folena, 1997 — *Folena G. Scrittori e scritture. Le occasioni della critica. Bologna: Il Mulino, 1997. 447 p.*

Gilbert, 1956 — *Gilbert G.H. The Interpretation of the Bible: A Short History. N.Y.: Boulder, Sweet and Maxwell, 1956. 326 p.*

Hamesse, 2001 — *Hamesse J. Le modèle scolastique de la lecture // Histoire de la lecture dans le monde occidental / dir. R. Chartieret, G. Cavallo. Paris, Seuil: Points, 2001. Pp. 131–152.*

Hanna, Hunt, Keightley, Minnis, Palmer, 2005 — *Hanna R., Hunt T., Keightley R.G., Minnis A., Palmer N.F. Latin commentary tradition and vernacular literature // The Cambridge History of Literary Criticism / ed. by A. Minnis, J. Johnson. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Vol. 2. P. 362–421.*

Keleman, 2011 — *Keleman J. Carattere e funzione degli autocommenti di Dante. 2011. URL: <http://pendientedemigracion.ucm.es/info/italiano/acd/tenzone/t12/Kelemen.pdf> (дата обращения: 12.04.2022).*

Les commentaries..., 1990 — *Les commentaires et la naissance de la critique littéraire. France/Italie (XIV–XVI siècles). Actes du Colloque international sur le commentaire. Paris, mai 1988 / ed. G. Mathieu-Castellani, M. Plaisance. Paris: Aux Amateurs de livres, 1990. 272 p.*

Manca, 1999 — *Manca G. I commenti di Jacopo Alighieri, Jacopo della Lana e Boccaccio alla 'Divina Commedia' di Dante e il Dartmouth Dante Project. Comunicazione tenuta alla 19ª Conferenza annuale dell'American Association of Italian Studies, Eugene, Oregon, 15– 17 Aprile 1999. URL: <http://www.nuovorinascimento.org/n-rinasc/saggi/pdf/maruca/commenti.pdf> (дата обращения: 12.04.2022).*

Old, 198 — *Old Y.O. The Reading and Preaching of The Scripture. Cambridge: Eerdmans, 1998. Vol. 1. 383 p.*

Parker, 1993 — *Parker D. The Medieval Roots of Commentary in the Renaissance // Commentary and Ideology. Dante in the Renaissance. Durham, NC and London: Duke University Press, 1993. Pp. 25–52.*

КОММЕНТАРИЙ
КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Pepin, 1999 — *Pépin J.* La Théorie dantesque de l'allégorie, entre le Convivio et la Lettera a Cangrande // Dante, mito e poesia: atti del secondo Seminario dantesco internazionale (Monte Verità, Ascona, 23–27 giugno) / eds. M. Picone, T. Crivelli. 1997 Firenze: Cesati, 1999. Pp. 51–68.

Roush, 2002 — *Roush Sh.* Hermes' lyre: Italian poetic self-commentary from Dante to Tommaso Campanella. Toronto: University of Toronto press, 2002. 240 p.

Sandkühler, 1967 — *Sandkühler B.* Die frühen Dantekommentare und ihr Verhältnis zur mittelalterlichen Kommentartradition. München: Hueber, 1967. 291 S.

Singleton, 1949 — *Singleton Ch.S.* An essay on the Vita Nuova. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1949. 168 p.

Villa, 1997 — *Villa C.* I commenti ai classici fra XII e XV secoli // Medieval and Renaissance scholarship: proceedings of the second European science foundation workshop on the classical tradition in the Middle Ages and the Renaissance (London, The Warburg institute, 27–28 November 1992) / ed. N. Mann and B. Munk Olsen. Leiden, N.Y., Köln: Brill, 1997. Pp. 19–32.